

Марина Саввиных

Дирижабли плывут в Атлантиду

Марина Саввиных родилась и живёт в Красноярске. Поэт, переводчик, публицист, педагог. В 1978 г. окончила с отличием факультет русского языка и литературы Красноярского педагогического института. Стихи, проза, публицистика печатались в краевой периодике, в журналах «Юность», «Москва», «Дети Ра» и других российских и зарубежных изданиях. Автор более десятка книг. Лауреат Фонда Астафьева (1994) и других наград за литературную и общественную деятельность. С 2007 по 2019 гг. – главный редактор журнала «День и ночь». Заслуженный работник культуры Красноярского края. Член Союза писателей России.

Гофманиана

Розабельверде

Из глины, из пыли, из персти земной –
Как перст, попирающий звёзды...
Мой маленький Цахес, останься со мной,
Останься, покуда не поздно.
Пока не вспорхнула синицей тропа,
Пока не взвилось, не взметнулось,
Пока пред тобою людская толпа
Восторгами не захлебнулась,
Пока не плеснула бензином в глаза
Чужая беспечная слава,
И крот тебе – брат, и сестра – стрекоза,
И поле – и слева, и справа,
Ступенями воздух не вздыблен пока
В ответ вожделениям стадным –
Останься: не всякая ноша легка,
Как бремя шиповника и мотылька...
Топорщатся три золотых волоска
Под гребнем моим беспощадным.

Мари

Я помню времена, когда при лунном свете
Слетались эльфы в дом, вервольфы ели с рук,
И грозный арсенал хранил у нас в буфете
Для отраженья крыс мой деревянный друг.

В рождественском раю, богиня и царица,
Я не боялась войн, скандалов и пропаж,
Ведь был всегда со мной мой деревянный рыцарь
И не смыкал очей мой деревянный паж.

По тёмным этажам, по гулким коридорам
Верхом на двух жуках мы странствовали с ним.
Он был вооружён столовым мельхиором,
Но, как спартанский вождь, в бою непобедим.

Реальность – не указ, а только строгий принцип.
Кому-то счастье – миг, а приключение – век.
И будущего нет у деревянных принцев,
Как нет его у всех пожизненных калек.
А значит, никогда мне не узнать вживую
Его прекрасных глаз и справедливых уст,
Но без его любви и я не существую,
И раю не бывать, и дом привычно пуст...

Серпентина

Что тебе до филистерских истин?
В глубине бузины благосклонной,
В каждой, влагою дышащей, кисти,
Чародействует голос влюблённый.
В нотах мака, синкопах левкоя –
Той же партии горькая тема...
Разве бюргерам снится такое?
Разве Дрезден дороже Эдема?
Разбросай хоть все яблоки скопом,
Всех на рынке старух раздосадуй –
Не в стекле обитая убогом,

А по вечно цветущему саду
Пробираясь – опомнишься... вспомнишь...
Встрепенёшься... исчезнешь из виду...
Си-бемоль... пианиссимо... полночь...
Дирижабли плывут в Атлантиду...

Амадей

Ирлану Хугаеву

Откуда Моцарт музыку берёт?
Вальяжный Зальцах – не ретивый Терек,
Аккордами не сотрясает берег,
И Зальцбург соль на вывоз продаёт,
А не фортепианные сонаты...

Клавиатура горного хребта
Сороковой прибрежные раскаты
Свободно генерирует... с листа
Коленопреклонённого Кавказа
Любой сыграл бы музыку богов...

А Моцарт – по приказу... без приказа...
Без объяснений и обиняков...
В трясуемся ли чреве дилижанса,
В железных ли тисках дворцовых зал,
Недуг ли неизбежный приближался,
Платёж ли непосильный нависал,
Завидовал ли друг... всё – мимо, мимо,
Когда из отворённой глубины,
Как хлынувшая кровь, необратимо
Происходила музыка...

Темны

Пути всепроникающего света,
И кто тебе расскажет, отчего
Окно открыто, и душа воздета
Сквозь твердь земную
К милостям его?..

Играя Софокла

1.

Разразившись, гроза облизала стёкла,
Или встречной зари ослепили фары?..
Нам с тобой придётся играть Софокла –
Для Еврипида мы молоды,
А для Эсхила – стары.

Ветка крови до самой земли поникла,
Земляником брызнула вниз по склону,
Значит, мне – закапывать Полиника,
А тебе – оплакивать Антигону.

Тополиным пухом в потоке ветра
Мы несёмся вспять по могильным плитам.
Я – ещё не Электра, уже не Федра,
И тебе не справиться с Ипполитом.

Ибо снова Тайгет исполнился зовом
И возвысился истинней Эвереста,
По его урочищам бирюзовым
Дразнит заблудившихся дух Ореста,

И перуны брачуются с валунами,
И роятся осы ночного света...
Перед нами – сила, погост – за нами,
Дальше – высь, простёртая для ответа.

2.

Всё равно тебе её не спасти:
Её кровь тяжелей, чем твоя утрата!
Надо слишком любить преступника-брата,
Чтоб стоять у мстителя на пути.

Мститель бдителен. Мчится на всех парах.
На прицеле – каждый, вне правил и без понятий.
Посмотри, сколь дороже ей милый прах
Даже самых честных мужских объятий!

Так поверь же собственному родству,
Рассуди, которая клетка ближе.
Есть высоты, отхожего места ниже,
И любовь, подобная воровству.

Карта крови, как ржавая жечь, пестра.
Но история брезгует рабским тоном.
Не тверди, что она и тебе сестра,
А невестою стала за Флегетоном.

3

На скрежещущем льду перегона,
На границах, объятых чумой, –
Я была бы тебе Антигона,
Брат, отец и возлюбленный мой...

Пусть напрасно пустые глазницы
В искупительную вышину
Запрокинуты – мира истица,
Я не зря твою руку тяну!

Но нездешней тоской озабочен
И постыдной мечтой увлечён,
Побираться у грязных обочин
Повелитель судеб обречён...

Он пугается визга и лая,
Озираясь на шорох и скрип,

Мудрый сын Иокасты и Лая,
Провокатор возмездья – Эдип.

И, в репьях заблудившись,
как в звёздах,
Суковатую палкой слепца
Злобно хлещет невидимый воздух –
В бога-сына и бога-отца...

Направленья зачуяв по звуку,
Отрекается... кличет... клянёт...
Он отнимет у дочери руку –
И в смердящую бездну шагнёт...

Чтобы – вне бытия и закона –
На ветру леденящем – одна,
Вечно мстилась ему Антигона,
Дочь, подруга, сестра и жена...

4.

И сомкнутся молнии наших пальцев,
Так язвительны, так нестерпимо робки,
Что последнего капища лопнет панцирь,
И по всей территории выбьет пробки...
Мы сгорим, полземли опалив пожаром,
Вечно юные дети Армагеддона,
Чтобы снова над этим безумным шаром
Очертился божественный лик Атона...

От убийственной близости туч Эреба
Размагнитятся стрелки газетных версий,
И златую Иштар упокоит Феба
На жестоких холмах своих твёрдых персей.

Венецианцу

1.

*Ужасный рот царицы Коры
Улыбкой привечает нас...
А. Т.*

Добродетель цветной мишуры и раскрашенной ваты...
Честность чисел поддельных на Богом забытой скрижали...
Мы тянулись друг к другу – так сбивчивы и угловаты,
Что сломались кулисы, которые небо держали...
И прочесть невозможно – и кто подсчитает, как скоро
Совершатся над нами уроки заслуженной кары?
На полу подсыхают следы удалившейся Коры,
Что с тобой разделила укор и загробные чары.
Речь и меч – провожая, встречая, гоня, привечая:
Мастерство палача государь за любовь обещает...
Не смотри на меня! эта скважина вечной печали
Ни судьбы, ни пути, ни обиды моей не вмещает...
Карнавал завершается ужесточением правил.
Но склонилось над смертными животворящее око –
Это всё потому, что удара не чаявший Авель
Не успел небесам неразумного бросить упрёка...

2.

Лицо Флоренции под морфием, под шёлком,
Под завтрашней чумой, под скудную водой –
Но как не угадать по непроглядным щёлкам
Зияние зрачков – латинский ужас твой?..
А нынешнюю ночь расплющит инфлюэнца.
Беды не миновать. Но будет карнавал,
Когда опомнится божественный Лоренцо,
Спеша, достанет ключ – и отомкнёт подвал,
Чтоб золото стряхнуть с шагрени манускрипта:
Османские долги не твёрже римских прав,

Флорины не ценней симпатии Египта,
И будущий султан не выше, чем жираф...
Лишь страсть – влиятельна! Все Медичи – артисты.
Раблезианский смех змеится по стеклу.
Наркоз – работает, покровы – шелковисты.
И жертве всё равно, кто отравил иглу...

Сон о небесном Петербурге

Поэту Петру Чейгину

1

галочье печалованье плач
оттепель проталины крещенье
отодвинь портьеру обозначь
истинность пропорций помещенья
не январь эпоха за окном
пафос жить разбитые коленки
ты пойдй ещё забудься сном
обойди молчанием календы

обойди терпением февраль
жертвенник и жертвенное мясо
есть ледышка смысла и грааль
срам и окровавленная ряса
обойди обиду всё равно
не объять искомое столицей
свет крещенский ломится в окно
и хрустит по крыше черепицей

2

всё в этом питере – возлюбленном как боль
и даже не сподобленном проклятью
всё втуне – карамель и карамболь
и пуговицы к завтрашнему платью
и только неразборчивость твоя
доверчивость угрюмая оскома
ведёт к тому чего не помню я
поскольку с лексиконом не знакома
сей умопомрачительный словарь
возвышенная цель моих раскопок
и наизнанку вывернут январь
освобождённый от своих заклепок
от этого над Невским стон и гуд
туда туда к невыспавшимся водам
вокабулы раздетые бегут
насытить небеса законосводом.